

Колесо Перепёлкина

Автор:

Владислав Крапивин

Колесо Перепёлкина

Владислав Петрович Крапивин

Владислав Крапивин – автор произведений, переведенных на многие языки мира.

В настоящее издание вошла современная школьная сказочная повесть, которая будет интересна как подросткам, так и более старшему поколению – любителям творчества В.Крапивина.

Владислав Крапивин

Колесо Перепёлкина

Первая часть

Не та лестница

Сокровище

Вася рыдал.

Он лежал на постели поверх смятого одеяла, бил мокрым лицом скомканную подушку и вскрикивал:

- Отдай!... Отдай!... Отдай!..

- Прекрати истерику! – вскрикивала в ответ мама. – Сию же минуту! Или я...

- Отдай!...

- Прекрати я сказала!.. Стыд какой! Парню почти девять лет, а он....

- Не почти! Не девять! Отдай!.. Ну куда ты его девала!

- Спрятала в кладовку... Утром получишь, а теперь спать!

- Не утром! Сейчас!... Сейчас же! – Вася заколотил ногами, выгнулся, ударил кулаками по одеялу, зарылся в подушку лицом. Промычал измученно:

- Ну отдай же...

- Чтобы ты опять засунул эту ржавую дрянь под подушку?!

- Не буду под подушку!. Рядом положу, на пол! Только отдай!!

- Перестань скандалить! Или я немедленно позвоню отцу! А утром... мы отправим тебя в интернат, вот!

- Хоть на каторгу! Только отдай! – Рыдание потрянуло Васю короткой судорогой. Он выговорил измученными толчками. – Отдай... Ну, по-жа-луй-ста...

В последнем слове была такая тоска, что мама беспомощно заглядывалась. И тогда забренчал в прихожей звонок.

- Вот видишь! Кажется, ты разбудил своими воплями соседей... – Мама поспешно пошла из комнаты, а в спину ей с новой силой ударило отчаянное «отдай!».

За дверью и правда оказалась соседка. Пожилая и грузная тетя Тома.

– Яночка, извини, что поздно. Я к тебе за... О-о! А что это с Василием? – Она будто лишь сейчас услышала неудержимый плач и вскрики.

– Я не знаю! – Мама уже сама чуть не рыдала. – Он сегодня будто с ума сошел! Днем учинил скандал с завучем, убежал с уроков, всполошил всю школу... А потом притащил с помойки грязную железяку и, когда улегся спать, сунул ее под подушку. На этой ржавчине миллиарды микробов... Я отобрала, а он устроил скандал и рёв!.. – Мама судорожно оглянулась на дверь. «От-дай!..» – опять слышалось из комнаты.

Тетя Тома покачала головой.

– Яночка, но если уж так ему это надо... Ты послушай, какое в нем горе... Верни игрушку. Может для него она сейчас важнее важного, бывает такое...

Мама прижала кулачки к вискам.

– Господи, да если бы я знала... Сказала ему, что спрятала этот утиль в чулан, а на самом деле кинула в мусоропровод. Думала, к утру забудет... А сейчас разве найдешь? Контейнер наверняка уже увезли...

Мама думала, что ее сдавленный голос Васе не слышен за его шумными слезами. Но Вася как раз притих в тот миг – бывают в долгих рыданиях такие судорожные перерывы.

Контейнер!.. Его, конечно же не увезли! Машина за мусором приходит лишь рано утром!

Камнем, пущенным из рогатки, метнулся Вася через прихожую. Мимо мамы, между косяком и отшатнувшейся тетей Томой. Холодные бетонные ступени заколотили по голым пяткам. С четвертого этажа до подъезда – две секунды! Грудью – о наружную дверь...

Сизые майские сумерки были зябкими. Наплевать! Зато контейнер – рядом. Лишь бы не случилось, что о н о застряло в трубе мусоропровода! Лишь бы...

От контейнера пахло ржавым, согревшимся за день железом. Всклипывая, Вася накрепк все жиденькие мускулы, отвалил походящую на люк подводной лодки крышку. В умытое слезами лицо ударил помойный запах. Вася подпрыгнул, лег животом на режущий край, расцарапал сквозь майку живот.

От светившей у подъезда лампочки падали слабые лучи. Контейнер был полон на две трети, и Вася сразу увидел то, что искал. О н о лежало поперек тряпья, пустых бутылок и жестянок.

Вася всхлипнул еще раз и схватил маленькое старое колесо от трехколесного велосипеда. Толчком прыгнул назад, на асфальт. Прижал колесо (вернее, Колесо) к груди. Втулка твердо и радостно впечаталась под сердце. От нее вливалось в тело острое тепло.

«Я тебя нашел!»

«Дзын-нь.....» – внутренним неслышным звоном отозвались твердые спицы.

«Больше я тебя никогда... никуда...» – пообещал Вася с еще одним, «остаточным» всхлипом.

«Дзын-нь, да...»

То тепло, которое вливалось в Васю от колеса, было не просто тепло. Оно было счастье. И это счастье заполнило Васю, как заполняет резиновую грелку вливаемая через ворону горячая вода. Вася готов был теперь забыть все беды, простить всем свои обиды. Он любил в этот миг всех и всё на свете. И поздние неуютные сумерки, и подслеповатую лампочку над дверью, и грязный контейнер, и черные железные столбы с веревками для белья, и желтые окна девятиэтажного дома, что громадной буквой «П» огораживал вытоптаный квадратный двор; и столпившиеся в дальнем краю двора гаражи...

– Вы хорошие... – шепотом сказал он всему, что было вокруг. – ...И ты хороший, – сказал он бесшумно пришедшему из-за контейнера тощему коту. Кот-бродяга

учуял идущую от мальчишки доброту, потерся боком о его ногу, тихо муркнул. Вася присел на корочки, уперся нижним краем Колеса в колени, а на верхний положил подбородок. И стал гладить кота по свалявшейся шерсти. И даже не кота, а весь окружающий мир... Но от подъезда уже спешили к нему мама и тетя Тома.

Дело в том, что, кинувшись за Васей, они решили догнать его на лифте и там на минуту застряли. И теперь были перепуганы: вдруг не найдут! Вдруг он пропал навсегда!

– Яночка, да вот он!

– Сумасшедший мальчишка! Ты сведешь меня в гроб!

Кот, конечно, сиганул во мрак. Вася вскочил, вновь прижал Колесо.

– Не дам!

– Да оставь ты себе свое сокровище! Господи, помчался раздетый... Схватишь чахотку!

Васю привезли на лифте к дверям. Тетя Тома шумно вздыхала и покачивала головой. Мама беспомощно опустила руки.

– Ну вот, добегались. Дверь я захлопнула, а ключи-то не взяла...

– Идемте ко мне, – тетя Тома обрела решительность. – Я поищу ключи. Помнишь, зимой вы оставляли мне запасные, когда мастер проверял газовые плиты...

Все оказались в передней у тети Тома, где пахло лекарствами от заставленного склянками подзеркального столика. Тетя Тома стала шарить в выдвинутом ящике. Вася переступал на сплетенном из тряпиц половике и по-прежнему притискивал Колесо к груди. Мокрыми глазами поглядывал исподлобья на маму. А она смотрела на свое тощее всклокоченное чадо – босое, с чешуйками ржавчины на коленях и на обвисшей, как платице, майке, с грязными полосками на треугольном зареванном лице (словно и не мылся недавно!). Чтобы не зареветь самой, она собрала последние «педагогические» силы:

– Хватит цепляться за этот металлолом. Никто не отберет... Только не вздумай больше укладывать такую жуть с собой в постель....

Тетя Тома тем временем нашла ключи, крутила их на пальце. И тоже смотрела на несчастного соседа.

– Яночка, их обоих нельзя таких в постель... Ну-ка, пошли... – Она вдвинула Васю в ванную, сдернула с него перемазанную майку – оказалось, что и под ней, на животе, ржавые следы. Тетя Тома жесткой горячей мочалкой вымыла Васе живот, колени, щеки. Затем той же мочалкой, под тугой струей отмыла колесо. Пыльная резиновая шина заблестела, как новенькая. На ободке проступили следы голубой эмали, на втулке – остатки никелировки..

Вася тянул к своему сокровищу пальцы.

– Подожди. Где-то есть у меня подходящая тряпица... – Тетя Тома достала из шкафчика старую наволочку. – Вот, будет твоему колесу одежка. Ну-ка, толкай...

Упакованное в наволочку Колесо Вася опять прижал к ребристой груди. Тетя Тома тяжелой, как ватная подушка, ладонью провела по его торчащим белобрысым прядкам.

– Горюшко ты луковое... Можешь укладывать свою радость хоть под одеяло, хоть под подушку. Нету на нем теперь ни одного микроба.

Мама до этой минуты молча и виновато смотрела на сына и на тетю Тому. А сейчас спросила:

– Тамара Петровна, может быть еще в целлофановый пакет?

– Нет! – вскинулся Вася. – Пакет же не пропускает воздух! Как оно будет дышать?

Мама в тихой панике глянула на соседку. Тетя Тома свела брови: не спорь.

– Иди спать... – со стоном выдохнула мама. – Постой, я отопру дверь....

Она осталась в коридоре – излить мудрой Тамаре Петровне свои тревоги и жалобы, а Вася выключил свет, забрался под одеяло, всхлипнул самый последний раз и уложил завернутое Колесо в подушку. Пощупал сквозь ситец прямые твердые спицы.

«Тебе хорошо там?»

«Дзын-нь... да. И тебе пусть будет хорошо. Больше не плачь...»

«Не буду...»

Вася стал засыпать. В пушистой темноте закрытых глаз побежали радужные пятна, стали склеиваться в картинки.... Но за дверью опять слышались шум и голоса. Это вернулся с дежурства папа..

Сначала мама и папа о чем-то вполголоса говорили на кухне. Впрочем, понятно о чем. Потом папа осторожно шагнул к Васе, за ширму.

– Он спит, – поспешно сказала мама.

Но папа постоял, помолчал и догадался, что Вася не спит. И сел на краешек Васиного кресла-кровати. Вася прерывисто вздохнул. Он по прежнему был счастлив от того, что колесо здесь, с ним, но теперь уже примешивались и другие чувства. Царапалась тревога из-за всего, что случилось в школе (что будет завтра?) А главное – стыд за недавние отчаянные слезы.

«Но если бы не слезы, как бы я вернул тебя?» – сказал он Колесу.

«Дзынь... Ты не виноват. Ты молодец...»

Но все же виноватость не ушла, поэтому Вася тихо дышал и молчал.

– Давай мы не будем сейчас говорить долго, – вполголоса сказал папа.. – Ты, конечно, настрадался сегодня, я понимаю. Но все же скажи мне честно: куда ты подевался в школе, когда поднялся на верхний этаж?.. Только не рассказывай то, что днем. Будто отсиделся в кладовке, а потом незаметно сбежал. Никакой

кладовки там наверху нет...

Вася посопел несколько секунд. Он и не собирался ничего скрывать. Потому что теперь было все равно...

- Кладовки не было... Был люк в потолке, а к нему вела приставная лесенка. Может быть, завхоз лазил на чердак и оставил. Ну, забыл, наверно... Я забрался в люк, лесенку втянул за собой, а крышку запер изнутри. То есть заложил...

- А дальше?

- А с чердака выбрался на крышу. Потом вниз по пожарной лестнице...

Папа молчал с полминуты. Вася дышал тише прежнего. Папа сказал, словно через силу:

- Если бы ты сорвался... Ты думал тогда, что будет с нами? С мамой и со мной...

Вася вздохнул опять. Длинно-длинно. И ничего не ответил. Потому что там, на крыше он думал. Именно об этом. Или даже не сам он думал, а будто кто-то сидевший внутри нашептывал ему: «...И все тогда пожалеют. И никто не станет больше ругать, никогда... Это ведь быстро. И совсем не страшно. Раскинешь руки и...» И неизвестно, что было бы сейчас, если бы не желтая бабочка... Может быть, уже абсолютно ничего бы не было...

Папа посидел еще, подержал ладонь на Васином плече. Встал. Сказал еле слышно «спи» и вышел.

Вася лежал совсем не дыша. Жаль ему было папу. И маму жаль. (И себя тоже.) Может быть, вскочить, прибежать к ним, приткнуться и заплакать опять? Но уже не громко, а тихонько, с просьбой о прощении? Но с кухни долетели голоса – негромкие, однако раздраженные. Родители опять спорили. Скорее всего из-за него. Но какая бы ни была причина, а когда мама с папой ссорились, подходить к ним не хотелось. Потому что все нервы делались натянутые и дрожащие.

Вася нащупал под подушкой обод с твердой резиновой шиной.

«Не бойся, – отозвалось колесо. – Они сейчас перестанут. А ты засыпай. Пора уже...»

И Вася стал засыпать снова. Скоро все тревоги ушли, замелькали опять цветные пятнышки и среди них самое яркое, желтое – как та бабочка.... И сон, который пришел к Васе, был, несмотря на недавние горести, хороший. Вася видел его уже несколько раз. А теперь – снова, с самого начала.

Снилась весна. Не нынешняя, поздняя, с молодой зеленью тополей, а начальная. Такая, когда оседает талый снег, синеют среди сугробов первые лужи, а с карнизов часто и звонко сыплются капли.

Вася видел, будто он не пошел в школу из-за какой-то легкой хвори. Она, эта хворь, была такая пустяковая, что ничуть не мешала радости неожиданного отдыха. Позднее мартовское утро сияло за окном голубизной и лучами. Лучи были такие теплые, что нагрели широкий подоконник, как печку. Вася придвинул к окну стул, откинулся к спинке, подвернул до колен спортивные штаны и положил на подоконник голые ступни. Солнце сразу взяло их в пушистые ладони. Вася жмурился и радовался весне.

Но пришла мама, сказала, чтобы Вся убрал ноги с подоконника..

– Хочешь добавить себе болезни? Там дует в щели.

– Ничего не дует! Наоборот тепло, как из печки!

– Я кому сказала! Сгинь от окна!

Вася не стал обижаться (такой хороший день!). Убрал ноги с подоконника, сунул ступни в тапки, но сам придвинулся со стулом ближе к окну. За стеклом густо летели вниз искристые капли, стеклянно бились о жестяной подоконник. Наверно, они срывались с сосуллек, висевших высоко под крышей, над девятым этажом. Как они ухитрились, пролетая пять этажей, не задеть косяки и балконы? Впрочем, это ведь сон....

Серые тополя и грязно-песочная стена изогнувшегося углом дома теперь были ярко-рыжими от солнца. Где-то весело кричали воробьи. На миг налетела серая тень (откуда, ведь облаков-то нет?!). «Сгинь!» – велел Вася, и тень тут же исчезла, А капли выбивали хрустальную мелодию: динь... динь... «Динькающий день», – продумал Вася. И под мелодию капли у Васи стали складываться слова:

День – динь!

Капель капель – с крыш...

Тень – сгинь!

День, стань от солнца рыж...

Наяву Вася никогда не сочинял никаких стихов (за исключением двух строчек в письме, о котором речь пройдет позже). Но эта песенка не пропала из памяти даже тогда, когда сон кончился. И мотив запомнился. Простенький такой, но славный. И Вася порой напевал эту песенку, если было хорошее настроение.

Надо сказать, Вася любил музыку. Всякую. И такую, где гитары, саксофоны и блестящие синтезаторы, и такую, где могучие оркестры, которые называются «симфонические». Потому что в этих оркестрах были замечательные инструменты. Просто дух захватывало, когда на экране их показывали крупным планом! Поющие густым голосом виолончели; похожие на коричневых от загара девчонок быстрые скрипки; сияющие золотом, волшебно изогнутые трубы; торжественно гремящие тарелки, гулкие литавры и барабаны.. А какой удивительным, загадочным был черно-белый ряд клавишей под косо вскинутым крылом рояля!...

Вася не запоминал ни названий музыки, ни тех, кто ее сочинил. Но бывало, что во время музыкальных передач замирал в кресле и умоляющим шепотом просил папу не переключать на футбол. И однажды папа сказал:

– А может быть у Василя талант? Не просмотрели ли его детсадовские педагоги?

Мама на сей раз не заспорила. Вспомнила, что сын и правда часто напевает себе под нос. Вдруг он будущий Чайковский или Иосиф Кобзон? И повела его (совсем недавно, в апреле) к знакомому музыканту. Вернее, к знакомому своей знакомой

(та договорилась об этой встрече). Вася не противился, даже обрадовался. Кто знает, вдруг он и правда сумеет овладеть тайнами колдовских инструментов, которые завораживали его с экрана?

Похожий на седого дон Кихота преподаватель музыкального училища встретил маму и Васю приветливо. Нажал несколько клавишей рояля и попросил Васю повторить их звук голосом. Покивал, почему-то вздохнул. Потом предложил Все спеть песенку. Какую-нибудь попроще и всем знакомую. Вася застеснялся, но пересилил себя, стал по стойке смирно и запел: «Не слышны в саду даже шорохи...»

– Спасибо, – сказал седой музыкант. И обратился к маме. – Видите ли, уважаемая Яна Феликсовна...

Оказалось, что музыкальный слух у мальчика ну, прямо скажем, не очень. Да, конечно, мальчику нравится музыка, но любить ее – это одно, а учиться на музыканта – совсем другое, здесь необходима определенная сумма природных данных.

– Яна Феликсовна, у вас замечательный сын, это видно сразу. Однако таланты его лежат, видимо, в каких-то иных сферах, не музыкальных. Я уверен, что они не замедлят обнаружить себя...

Мама была очень огорчена. Вася тоже, но все-таки меньше мамы. И главное, музыку любить он не перестал, хотя теперь стеснялся при всех «прилипнуть» к экрану, когда выступали оркестры. Приснившуюся музыку капелю он не забыл и по-прежнему напевал ее в хорошие минуты. Тем более, что мартовский день с капелю снился ему еще не раз, словно напоминал о чем-то...

Вот и теперь Вася опять видел этот сон. А потом и его продолжение, про дождик...

И пока Вася спит, есть время о многом рассказать по порядку.

Кое-что про жизнь

В школе Васю звали только по фамилии. С первого дня – «Перепёлкин» да «Перепёлкин». Виновата в этом Инга Матвеевна. Ну, может быть, и сам Вася виноват, но она все-таки больше.

Первого сентября высокая учительница с длинным красивым лицом и немигающими глазами стала знакомиться с первоклассниками. Отчетливо сказала, что будет вызывать каждого по списку и каждый вызванный должен вставать и говорить «я». И началось:

– Аннушкин Петр!

– Я!

– Барбарисова Наталья!

– Я...

– Вовченко Валерий!

– Я-а-а...

– Не «я-а-а», а твердо – «Йя»!

– Ага. Йа-а-а...

– О, Господи... Гришина Вероника!...

...Вася уже хорошо знал алфавит. И терпеливо ждал букву «П». И вот:

– Панченко Маргарита!

– Я...

– Пере... палкин Василий!

Никто не отозвался.

- Что такое? Я сказала - Перепалкин! Нет такого?

Вася подумал и нерешительно встал.

- Может быть, Перепёлкин? Тогда это я.

- Ты - Василий?

- Конечно, Василий, - разъяснил он непонятливой Инге Матвеевне. - Только не Перепалкин, а Перепёлкин. А если там написано «Перепалкин», тогда это не я. Посмотрите, пожалуйста, дальше, может быть, там есть еще и настоящий я?

- Никого больше нет! Перепалкин Василий! Значит, это ты.

- Да, но только я не...

- Я поняла! Видимо, здесь перепутались буквы, вот и все. Невелика разница. Сядь.

Вася не сел.

- Нет, разница очень велика, - терпеливо разъяснил он, потому любил ясность. - Фамилия «Перепалкин» - это, видимо, от слова «перепалка». То есть когда люди спорят и ссорятся. А «Перепёлкин» - от слова «перепёлка», птица такая. Перепелки живут в полях и лугах. Если птенцам перепелки грозит опасность, она притворяется раненной, бежит под носом у охотника или зверя и уводит его от гнезда, нам про это еще в детском саду рассказывали.

Инга Матвеевна приоткрыла рот и наконец мигнула. И сообщила, что здесь не детский сад, а школа (которая скоро станет гимназией) и словесные перепалки между учеником и учителем тут непозволительны. Пусть Перепал... Перепёлкин сядет и не мешает дальнейшей проверке состава класса по утвержденному списку.

Вася хотел объяснить, что вовсе не устраивал перепалку, а только пытался рассказать о разнице между ссорой и птицей, но его соседка Маргарита

Панченко (умная девочка), потянула его за подол нового пиджачка. Шепнула:

– Сядь, Перепёлкин. А то хуже будет...

Вася не понял, что должно быть «хуже». Но послушался. Потому что, Инга Матвеевна вызывала уже первоклассников на другие буквы: Раскатов... Уткина... Юдин... Ярцева... И ничью фамилию больше не перепутала. Впрочем, и Васину фамилию она теперь всегда говорила правильно. И отчетливо. Других она чаще называл по имени (а по фамилии – если только сердилась), Васю же всегда: «Пере-пёлкин». Васю это не то чтобы огорчало, но удивляло. Однажды он поднял руку и спросил:

– Инга Матвеевна, скажите пожалуйста. Почему другим мальчикам и девочкам вы говорите «Петя», «Саша», «Лена», а мне обязательно «Перепёлкин», а не «Вася»?

Инга Матвеевна посмотрела, не мигая, и сухо сказала;

– Потому, Перепёлкин, что у нас в классе еще три Васи. Я не хочу, чтобы вы запутались.

– Но ведь Копейкину, Мохову и Сергиенко вы говорите «Вася», а мне никогда.

– Дело в том, что эти Васи не рассуждают так много, как ты. Сядь, пожалуйста. Все слушайте домашнее задание...

Вася не сел сразу. Хотел еще разъяснить Инге Матвеевне, что он вовсе не рассуждает «так много», это во-первых, а во-вторых, имя человека и любовь к рассуждениям никак не связаны друг с другом, потому что... Но Маргарита Панченко привычно дернула его за полу.

– Сядь, Перепёлкин. Опять скребешь на свою голову...

Все ребята в первом «Б» тоже звали его по фамилии, как учительница. Видимо, сперва брали пример, а потом привыкли...

В конце сентября состоялось родительское собрание. Васины мама и папа пришли на него вдвоем. Инга Матвеевна стала рассказывать родителям, как обстоят дела в первом «Б»: кто как себя ведет, кто учится старательно, а кто не очень. Про Перепёлкина сказала:

– Неглупый мальчик, да. Но то и дело пытается рассуждать. Где надо и где не надо...

– Простите, но семилетнему мальчику, наверно, еще трудно разобраться, где рассуждения нужны, а где нет, – осторожно заметила мама.

Инга Матвеевна ответила, что «если трудно, незачем этим заниматься вообще; главная задача первоклассника – сидеть и внимательно слушать учительницу».

– Но мне казалось, что способность к рассуждениям – одно из свойств, которые школа должна прививать своим питомцам, – осторожно сказал папа.

– Это свойство они обретают самостоятельно. Причем слишком рано и в больших количествах, – сообщила Инга Матвеевна. – А как быть учителю? У меня в классе двадцать восемь человек, и если с каждым я буду пускаться в словопрения, как вести уроки?..

Мамы, папы и бабушки сочувственно загудели: в самом деле – как?

– Взять того же Перепёлкина. Недавно подымает руку и задает очередной вопрос: почему все должны учиться чтению по букварю, если многие дома уже читают толстые книжки? Я говорю: «Потому что такая школьная программа». А он: «Но ведь люди все разные, значит и программы надо сделать разные». Представляете, какой министр просвещения! Где я возьму отдельную программу на каждого? Есть утвержденные учебные планы!

– М-да... – негромко произнес папа.

– Я не понимаю: что вы хотели сказать вашим «м-да»? – спросила Инга Матвеевна.

– Я хотел сказать «м-да...» – сухо разъяснил папа.

Дома родители заспорили. Мама сказала, что своим глупым замечанием папа навсегда испортил ребенку школьную жизнь. Учительница станет «отыгрываться» на мальчике.

- Но что я сказал? Одно коротенькое слово!

- Это коротенькое слово обойдется Василию длинными бедами, на долгие годы! Она и так-то его не жаловала, а теперь...

- Но разве я виноват, что она такая ду... думает, что детей надо стричь под одну гребенку!

- Это не она, а вся школьная система! Иди со своими претензиями к министру или президенту! А учителя – несчастные люди! У них крохотная зарплата, а в классах каждый второй – дебил!

Папа сказал, что можно, он пойдет к президенту завтра или на той неделе? А сейчас он чертовски устал и хотел бы посмотреть передачу «Футбольный клуб».

Мама сказала, что футбол всегда интересовал папу больше собственного ребенка.

Папа сказал, что не всегда, а по субботам. Мама сказала...

- Василий, марш к себе! Нечего слушать, как отец говорит глупости!

Вася ушел за ширму. Там стояло навсегда раздвинутое кресло-кровать с Васиной постелью и письменный столик с лампой под желтым пластмассовым абажуром. Вася сел к столику и стал включать и выключать лампу (за окном синели ранние сумерки). Деревянная ширма (старинная, подарок тетя Тома, когда Вася родился) была с окошечками, затянутыми разноцветной бумагой. Тугая бумага усиливала любой звук (называется «резонанс»). Каждое словечко родительского скандала было слышно даже лучше, чем в комнате, хотя мама с папой старались приглушать голоса. Впрочем, Вася и не слушал, он все знал заранее, наизусть.

Эти ссоры, с чего бы ни начинались, раскручивались по одному плану. В конце концов мама обязательно скажет, что «незачем было жениться и заводить

ребенка». Папа ответит, что ребенок у него замечательный, а вот мама его (то есть Васина) «при всех своих положительных качествах» кого угодно отправит на тот свет «своей женской логикой».

Вася знал, что вообще-то логика – это наука о рассуждениях, но «женская логика» – кажется, наоборот.

Наступит момент, когда мама сильно округлит ставшие мокрыми глаза (это не видно из-за ширмы, но Вася знает) и спросит полусшепотом:

– Ну почему, почему ты так меня ненавидишь?

А папа скажет «о, Господи», уйдет на кухню, сядет на табурет за холодильником и закроется газетой «Спортивный бюллетень»...

Сейчас Вася не стал ждать такого финала. Он скользнул из-за ширмы, оказался в коридоре и позвонил тете Томе.

– Можно, я у вас посижу?

– Посиди, посиди, голубчик... Что, опять поругались?

– Можно, я посмотрю журнал?

– Посмотри, посмотри... И чего их мир не берет? Культурные люди, с высшим образованием, со стороны поглядишь – сердце радуется, какая пара. А порой... Ну, ты не горюй, помирятся...

– Да знаю я...

Они, конечно, помирятся. И будут улыбаться друг другу, и виновато поглядывать на Васю, и так пройдут день-два или неделя, а потом... И опять надо сидеть у себя за ширмой или ускользать к тете Томе и листать там растрепанную подшивку журнала «Живописное обозрение». Журнал ужасно старинный, достался тете Томе еще от ее бабушки. Читать его трудно, всякие там старинные буквы, однако картинки интересные. Например, есть рисунок под названием «Соперники». Там по бурному морю мчится корабль с белоснежными

парусами, а рядом с ним, у верхушек мачт – старинный самолет с полотняными перепончатыми крыльями – тоже белыми, как паруса. Вот такие были самолеты сто с лишним лет назад, как птицы.

Кто кого перегонит?

Вася был за парусник. А на самолет он смотрел с тревогой. Может, этот легонький аэроплан сперва и окажется впереди, но надолго ли? Ведь корабль может под ветром бежать сколько угодно, а в баке самолетного мотора много ли горючего? Не случится ли, что эта клеенная из реек и ткани птица не дотянет до берега? И тогда – что? Волны-то вон какие...

Инга Матвеевна не стала «отыгрываться» на Васе. Но и не хвалила за успехи. Хорошо, что в первом классе не ставят отметок, говорила она, а то быть бы Перепёлкину сплошным троечником. Лучше бы он не рассуждал по всяким пустякам, а постарательнее думал над задачками... А он больше и не рассуждал. Разве что иногда, редко. Но все равно в классе считалось, что «Перепёлкин у нас шибко умный». Наверно, поэтому и крепкими друзьями-товарищами он не обзавелся. Хотя и ссорился редко. Его почти не задирали и не дразнили, потому что Инга Матвеевна однажды сказала:

– Пожалуйста, не обижайте Перепёлкина, с плаксами надо быть осторожными.

Это было неправильно. Никакой он не плакса. Случилось, правда, что два раза пускал слезу от вредной дразнилки или от крепкого ушиба, но с кем не бывает? Но рассуждать с Ингой Матвеевной на эту тему Вася не стал. Тем более, что Маргарита Панченко посоветовала шепотом:

– Не связывайся, плюнь...

В общем, доучился Вася в первом «Б» до летних каникул. Дотянул, как говорится. Каникулы были замечательные. Во-первых, очень длинные, во-вторых, очень интересные, потому что Вася с мамой и папой ездил в город Бердянск, на Азовское море, к папиным друзьям. Там прожили среди южного приморского тепла целый месяц. А кроме того, по дороге заезжали в Москву, где Вася тоже насмотрелся много чего интересного. И самое замечательное было то, что родители в поездке почти не ссорились (всего четыре раза).

Домой, в родной город Осинцев, вернулись только в начале августа. Но и здесь Вася не скучал. Было тепло, как на Юге. Можно гулять целыми днями. И Вася гулял.

Осинцев – не очень большой город, но и не очень маленький. Некоторые кварталы его большущие и многоэтажные, как в Москве, но к таким кварталам там и тут жмутся другие – старые, одноэтажные. Рядом с Васиной новой девятиэтажкой тянется заросшая лопухами Луговая улица с бревенчатыми домиками, палисадниками и огородами. Неподалеку много пустырей с чертополохом и полынью. Пустыри пересекает овражек, в котором воркует среди ивняка и осоки ручей. В осоке живут веселые лягушата и пожилые добродушные жабы. Иногда Васе кажется, что обитают в овражке и мелкие ручейковые гномы, хотя ни с одним он пока не встречался.

На пустырях и в зарослях можно играть одному – в путешественника среди всяких неведомых джунглей. А еще среди пустырей попадаются поляны с невысокой ровной травой, где знакомые ребята гоняют футбольные мячи. Вася с ними тоже гонял иногда. Правда, не очень у него получалось и некоторые мальчишки ворчали, что «этот мелкий только путается под ногами». Но шестиклассник Вовка Садовкин – Васин сосед и авторитетная личность – решительно потребовал:

– А ну, кончайте базар! Должен же человек учиться!

И у Васи от благодарности даже защипало в глазах.

А еще папа брал Васю на работу, в Институт керамики, там бородатые молодые сотрудники учили «коллегу Василия» обращаться с компьютером. Показывали всякие игры. Целую неделю Вася был от этих игр без ума. Уговаривал маму и папу купить хоть самый простенький компьютер, чтобы заниматься с ним дома. Папа обещал подумать, а мама округлила глаза:

– С такими безумными затратами мы до конца дней будем жить в нашем однокомнатном курятнике без телефона и без приличной мебели!

Впрочем, скоро компьютерные забавы Васе приелись. Они были похожи одна на другую. Там все время надо было куда-то бежать, кого-то догонять, в кого-то

стрелять, чтобы тебя самого не подстрелили или не взорвали. И Вася наконец почувствовал, что старенький домашний «видик» ему дороже: можно снова и снова смотреть ленты про Буратино, Тома Сойера и Маугли. А еще лучше – читать про этих замечательных ребят книжки. Мама с папой, поругавшись очередной раз, уснут, а ты приткнешься к столику, заслонишь лампу картонкой, чтобы не просвечивала сквозь ширму и окунаешься с головой в знакомые, но все равно чудесные приключения...

Потом опять пришел сентябрь, и Вася оказался во втором «Б». Но не надолго. Потому что случился скандал.

Дело в том, что в класс поступила новенькая. Мика Таевская. Славная такая. Когда Вася смотрел на Мику, у него внутри делалось тепло и пушисто. Глаза Мики были похожи на коричневых бабочек. Если Мика взмахивала ресницами, казалось, что бабочки машут крыльями. Конечно, Вася стеснялся своих чувств – и перед Микой, и перед ребятами, и даже перед собой. А Мика на него почти не смотрела. Потому что чего на него смотреть – самый обыкновенный, ни красоты в нем, ни героичности. Тощий, с худым треугольным лицом, с непонятно какими глазами – то ли серыми, то ли жидко-карими. С белобрысыми длинными прядками. И рот постоянно приоткрыт и округлен, будто от удивления... Вася перед зеркалом сердито сжимал губы и отворачивался от своего отражения. Но про Мику все равно думал постоянно.

На третий день таких мыслей Вася рассудил, что под лежащий камень вода не течет, победил нерешительность и написал письмо:

«Мика ты мне очень нравишься. Давай дружить если ты захочешь. Я могу провожать тебя после уроков домой и носить твой ранец если тебе тяжело. И если тебя кто-нибудь затронит буду за тебя заступаться. Я по правде сказать не очень смелый но все равно буду если надо честное слово. Твой одноклассник Перепёлкин Вася.»

А в конце приписал две стихотворные строчки:

Ты хороший человек

Буду я твой друг навек.

В тексте не было запятых и попадались ошибки, но в общем-то письмо как письмо, не хуже всех тех, что пишут в таких случаях. По крайней мере, понятное и честное, не правда ли?

Вася разыскал в подзеркальном ящике чистый конверт (даже с маркой), запечатал бумагу и потом всю ночь неважно спал от волнения. Назавтра, в классе, он незаметно сунул письмо в Микин ранец. Это было на первой перемене. На других переменах он боялся близко подходить к Мике и смотреть на нее. А на уроках смотрел – на ее затылок с темными кольцами волос и на красный с белыми горошками бант. (Мика сидела на первой парте, а Вася на третьей). Мика ни разу не оглянулась. У Васи все больше чувствовалась под сердцем нехорошая пустота. И оказалось, что не зря.

В начале четвертого урока Инга Матвеевна достала из классного журнала белый конверт с зеленой маркой, и Вася сразу узнал его. Инга Матвеевна устремила на Перепёлкина в з г л я д.

– Перепёлкин, это твое сочинение?

Вася понял, что сейчас умрет. Но умирать надо с достоинством – не прячься в заячьей норе, а как на поле боя. Даже если ты «по правде сказать не очень смелый». Это подтвердит вам герой из любой книжки – и Маугли, и Том Сойер, и юный мушкетер Яшка Рыбохвостов, и даже Буратино. Вася встал.

– Конечно, мое. Там ведь подписано. Чья подпись, значит, того и письмо...

– Не рассуждай! Кто тебе разрешил писать т а к и е письма?!

Это был глупый вопрос. Даже детсадовским ребятам понятно, что на письма разрешения не спрашивают. И Вася сказал:

– Но я же не вам его написал.

– Да, ты сочинил его для Мики Таевской! Но Мика умная девочка и знает, что о всяких таких глупостях следует сообщать учительнице.

Вася (не забываяте, что он собрался умереть и ему было все равно) бестрепетно глянул в немигающие глаза.

- Вы всё придумали! Никаких глупостей там нет!

- Ах, придумала? Ах, нет?! Тогда слушайте.

Громким голосом Инга Матвеевна отчеканила письмо.

Кто-то нерешительно хихикнул. Раз, другой. Мика сидела неподвижно, даже бант ее ничуть не шевелился. И Вася понял, что все кончено. Если даже она теперь глянет на него глазами-бабочками, в душе его ничего не дрогнет. Конечно, Вася не был плаксой, и капли на его ресницах оказались случайно. Он махнул ресницами так сердито, что капли полетели во все стороны. И одна попала на щеку Маргариты Панченко - та сидела рядом.

- По-моему, эта Таевская свинья и ябеда, - тихим шепотом сообщила Маргарита. - Если бы мне написали такое, я бы никогда...

- По-моему, Таевская - свинья и ябеда, - отчетливо сказал Вася, глядя на неподвижный бант с горошками. Бант дернулся. А Инга Матвеевна возвысила голос до небывалого звона:

- Как! Ты! Смеешь! Да я... за это тебя на педсовет! И это письмо... там... всем!...

Вася снова взмахом ресниц сбросил капли - теперь уже с окончательным бесстрашием.

- А чужие письма читать нельзя.

- Учителю можно всё!

- Никому нельзя.

- Кто тебе это сказал?!

- Это все на свете знают. И в книжках написано.

- Я смотрю, ты уж-жасно начитанное дитя!.. Пусть отец и мать сегодня же явятся в школу! А ты... немедленно извинись перед Микой Таевской.

Вася вдруг почувствовал, что он успокаивается. словно в нем, как в телевизоре, переключили канал - с ужастика на передачу «Спокойной ночи, малыши». Он вздохнул. И выговорил, глядя мимо банта:

- Таевская, извини меня, что я громко сказал, что ты свинья и ябеда и теперь все про это знают. И постарайся больше не делать таких свинств...

Инна Матвеевна задышала, как старый паровоз на запасных путях.

- Вон из класса! И без родителей в школу ни шагу!..

Второклассники учились во вторую смену. Поэтому дома Вася не долго томился один, почти сразу пришли с работы мама и папа. Вася собирался гордо и прямо рассказать про школьный скандал. Потому что ни в чем он не виноват! Ведь не замуж идти предлагал он этой Таевской, а просто подружиться по-человечески. Вот папа, например, говорил, что у него еще в детском саду была любимая подружка (правда, не мама).

Но гордого рассказа не вышло. Едва мама вошла и глянула на Васю, как сразу спросила:

- Что с тобой случилось?

И Вася расплакался. Взахлеб. И всю историю с письмом рассказал сквозь громкие всхлипы и отчаянные слова, что в школу больше не пойдет.

- Ну и дела... - сказал папа, когда Вася наконец успокоился (не совсем, а слегка).

- Что значит «ну и дела»? - возмутилась мама. - Твои пустые восклицание здесь не помогут!

«Сейчас опять поругаются», – тоскливо подумал Вася.

Но мама и папа на этот раз не поругались. Они дали Васе холодного молока (хорошее средство от слез) и пошли в школу.

Вернулись родители не скоро, часа через два. Оказалось, что в школе они угодили прямо на педсовет. Он был не из-за письма, конечно, а просто очередной, но тут речь сразу пошла о Перепёлкине. Подробностей Вася никогда не узнал (незачем школьникам знать педсоветовские разговоры). Но все же мама проговорила, что Инга Матвеевна негодовала: «Что будет, если с восьми лет школьники начнут крутить романы, а не заниматься учебным процессом!» А другая учительница, пожилая Полина Аркадьевна, сказала: «Господи, да что было, то и будет, как во все времена...» А потом предложила Васиным папе и маме: «Знаете что, давайте мне вашего Перепёлкина в мой класс. Я не боюсь тех, кто рассуждает, сама такая. И место как раз есть, Юрик Ромкин уехал с родителями в Канаду...»

И на следующий день Вася пошел во второй «А».

Полина Аркадьевна была спокойная и не сердитая. И ребята были не вредные, не хуже, чем в прежнем классе. Правда и здесь Васю стали называть только по фамилии – видимо, эта привычка перетащилась сюда из второго «Б» и ничего с этим не поделать. Лишь Полина Аркадьевна иногда спохватывалась и говорила «Вася» (и даже «Васенька», если получал пятерку).

Васиным соседом по парте оказался Шурик Кочкин (раньше с ним сидел уехавший Ромкин). Шурик был хороший, добрый, одна только беда – он ужасно увлекался шахматами и почти ни о чем другом не мог говорить. А Вася в шахматы играл еле-еле. Понятно было, что большими друзьями с умным очкастым Шуриком они не станут. И все же, когда на перемене подошла Маргарита Панченко и спросила: «Ну как ты себя чувствуешь на новом месте?», Вася бодро ответил:

– Лучше всех!

Ему и в самом деле было неплохо. Про Мику Таевскую он почти не вспоминал (больно она нужна!), за окнами стоял чудесный, по-летнему жаркий сентябрь, а Полина Аркадьевна никогда никого не ругала.

Однажды на уроке чтения на скамейке между Васей и Шуриком завозилось что-то непонятное. Живое. Вася глянул и обмер. Там сидела и умывалась передними лапками крыса! Конечно же, Вася понял, что сейчас завопит и кинется прочь. Но... Шурик почему-то не кидался и не вопил. Он посадил жуткого зверя себе на клетчатые форменные штаны и шепотом сказал:

– Не бойся, это Вовчик, он добрее всякой кошки. И старый. Почти все время спит...

Однако сейчас этот зверь по имени Вовчик не спал, а поглядывал на Васю. Вася проглотил комки страха, сжал в себе противную дрожь и попытался рассуждать здраво. Конечно, с одной стороны это настоящая крыса – с острой усатой мордой и противным голым хвостом. Но с другой... ясно, что ручная. И не кусачая. И выражение на мордочке вполне славное, дружелюбное даже.

– Хочешь познакомиться? – шепнул Шурик.

Вася не был уверен, что хочет. Но Шурик сгреб Вовчика и усадил его на Васиные брючки (такие же клетчатые; Вовчик, наверно, и не заметил разницы). Вася опять вздрогнул: теплый кожаный хвост змейкой скользнул по голой коленке. «Мамочка...» Но что делать то? И Вася сделал то, что полагалось. Дрожащим мизинцем погладил серо-коричневую шерстку на крысиной спинке. Вовчик снова сел на задние лапки, стал принюхиваться к пуговке на клетчатой безрукавке. Вася вздохнул и погладил опять...

– Ну вот. Опять ты притащил с собой несчастное животное... – Оказалось, что к парте подошла Полина Аркадьевна. – Сколько раз я объясняла, что здесь у нас не живой уголок...

– Да не тащил я его! – взмолился Шурик. – Сам забрался в рюкзак! Он всегда так: спрячется в какую-нибудь сумку, чтобы поспать, а потом вылезает, где не надо!

Все оживились, завытягивали шеи. Но без лишнего любопытства. Оказалось, что с добродушным крысом Вовчиком в классе все знакомы давным-давно. И никто его не боялся, даже самая писклявая девчонка Марина Бусина.

– Спрячь сейчас же, – велела Шурику Полина Аркадьевна. – И пусть спит дальше. А ты иди рассказывать стихотворение... А если еще раз принесешь Вовчика на уроки, я вас обоих отправлю к Валерьяну Валерьяновичу.

– Валерьян Валерьяныч тут же помрет, – подал с задней парты самый языкастый ученик второго «А», Дима Шерстнев. – Он боится всех зверей мышинной породы, даже электронных.

– Кто тебе сказал такую глупость? – удивилась Полина Аркадьевна.

– Брат сказал, он в девятом классе учится. Валерьян Валерьяныч даже в компьютерный класс никогда не заходит, потому что там тоже мышки, с хвостатыми проводами...

Все развеселились. Но никто не поверил, что Валерьян Валерьянович боится мышей. Он был очень строгий и, значит, – бесстрашный. Конечно же, он никого не боялся, а его боялись все.

...Видите, автор этой повести никак не может добраться до истории с Колесом – что это за штука и откуда. Но без рассказа о Валерьяне Валерьяновиче ничего не будет понятно. Поэтому сначала – о нем.

Джунгли

Валерьян Валерьянович Игупкин был завуч. Эту должность можно сравнить вот с чем. На кораблях бывают капитаны, они руководят плаванием, а у капитанов есть старшие помощники, старпомы – они ведают порядком на корабле. А в школе, у директоров, такие старпомы – завучи. Поэтому завуча иногда боятся даже больше, чем директора. Ведь именно завуч отвечает за дисциплину и знает всех ее нарушителей. И всегда следит за выполнением школьных правил.

Валерьян Валерьянович очень любил школьные правила. Но считал, что у этих правил есть большой недостаток – их мало. Время от времени он придумывал дополнительные. Например, что сменная обувь должна быть только на кожаной подошве (чтобы резина не пачкала паркет). Или что виновные в курении

старшеклассники должны платить штраф, а потом еще писать сочинение на тему: «Почему никотин вреден для моего здоровья и здоровья окружающих меня людей». Один девятиклассник написал такое сочинение в стихах:

Иду я в школу поутру

И вижу –дохлая скотина.

Она сказала мне: «Мой друг!

Погибла я от никотина.

Меня предупреждал Минздрав,

Но я, смеясь, кривила губки.

Теперь я вижу, как был прав

Известный всем В.В.Игупкин».

Ох, я сказать чуть не забыл

От имени скотины бедной:

Для окружающих кобыл

Куренье наше тоже вредно.

Валерьян Валерьянович очень рассердился и снизил автору оценку за поведение, хотя в сочинении все было написано правильно.

А еще Валерьян Валерьянович требовал, чтобы девочки не носили больших сережек и не ходили на каблуках выше трех сантиметров, а мальчики не красили волосы и не появлялись в школе без галстуков. Правда командовать старшеклассниками у него не всегда получалось (ну их, а то опять сочинят что-нибудь неуважительное). Зато в младших классах наводил он ох какой порядок. Здесь боялись его не только ученики, но даже учительницы – из тех, что помоложе...

В Горно завуча Игупкина ценили и ставили в пример. В конце прошлого учебного года (когда Вася был первоклассником) Валерьяна Валерьяновича с учительской делегацией отправили на две недели за границу, в Англию. Школы Британского королевства поразили завуча из Осинцева. И, вернувшись, он стал в

своей школе наводить такие же (тем более, что с будущего года школа должна была сделаться гимназией с углубленным изучением Шекспира и Диккенса).

Мальчикам всех возрастов было предписано сделать себе гладкие прически с проборами. А когда из этого ничего не вышло, Валерьян Валерьянович придумал для младших классов особую форму. Девочки должны были носить кофточки из крупно-клетчатой рыже-зеленой с черным ткани и такие же юбочки. Мальчикам полагались жилетики из той же материи. В холодную погоду им следовало ходить в темных отглаженных брюках (и никаких там джинсов, бананов и модных пиратских штанов с карманами у щиколоток!), а в теплую надевать брючки до колен, из того же «шотландского» матерьяла.

Родители взвыли: столько расходов! Но куда деваться? В другую школу? Там свои завучи и свои порядки, да, к тому же, денег за обеды требуют больше...

Правда, зимой было не до формы. Гимназия задолжала плату за отопление фирме «Осинкалорифер», и часто приходилось на уроках сидеть в свитерах, а то и в пальто и куртках. Но зима кончилась бурным таянием снегов, пришел май с неожиданно жарким, как в июле, солнцем, и Валерьян Валерьянович опять начал наводить в школе блеск и порядок.

Мама достала из шкафа «шотландские» брючки и безрукавку.

– Ну-ка надень. С декабря не носил, может быть, уже вырос из них...

Оказалось, что не вырос. Но все равно Вася морщился, как от больного зуба.

– Не кривись. Очень славный костюмчик. Не правда ли, Олег? – Мама глянула на отца.

– Правда, – хмыкнул папа. – Только в этой клетчатой униформе дети похожи на узников Синг-Синга.

– На кого?! – обрадовался Вася.

Папа объяснил, что в давние времена была не то в Англии, не то в Индии знаменитая тюрьма с таким названием. Там заключенные носили рабы в крупную клетку.

Мама сказала, что для любителей безответственной болтовни такая тюрьма – самое подходящее место.

Вася поддержал папу:

– Клетки такие, что когда сидишь в этих штанах, кажется, будто на твердой решетке.

Мама пообещала нарисовать ему дополнительную решетку, ремнем. Тогда он вообще не сядет долгое время. Вася только вздохнул: пустые слова. Сроду его так не воспитывали. Если он был в чем-то виноват и мама бралась его прорабатывать, папа тут же заступался. Если сердился папа (что бывало реже), вступалась мама. И кончалось тем, что они начинали спорить между собой. Иногда Вася тоскливо думал: «Уж лучше бы отлупили, чем ругаться друг с дружкой...» Но, чтобы отлупить виноватого сына, между родителями должно быть согласие, а здесь – как?

Правда, иногда мама пыталась продемонстрировать такое согласие. Грозила: «Еще одна двойка, и мы с папой договоримся отправить тебя в детдомовский интернат!» Вася привычно вздыхал. Сдать человека в такой интернат можно только, если он сирота или если его отец и мать лишены родительских прав. А у него-то, слава Богу, не лишены...

Мама послала папу в магазин за фасолью и майонезом, а Васе велела снять костюм: «Надо погладить».

И тут судьба сделала Васе подарок.

Пока мама возилась с утюгом и доской, Вася решил повесить у себя за ширмой пластмассовую модель самолетика (старинного, как на картинке в журнале). Для этого надо было прибить к стене специальный угольник. Вася решил прибить повыше. Поставил стул на диван-кровать. Стул качался, но Вася решил, что это ничего. Забрался, потянулся вверх с молотком и гвоздем. Стул вывернулся из-под ног. Трах!..

- А-а-а...

Мама влетела за ширму.

- Что с тобой?! Ты живой?!

- Живой... только ой... - Вася, сидя на полу, держался за локоть и за лоб.

- Что? Очень больно?

Было не так уж больно, однако Вася мужественно втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Страдаю, мол, но я не плакса. А на самом деле он коварно тянул время - потому что учуял запах дымка. Мама-то запаха не чуяла, она в панике ощупывала чуть не погибшего сына. Помогла ему подняться. И тогда Вася наконец сказал:

- Кажется, там что-то горит...

- А-а-а! - взвыла в свою очередь мама.

Через минуту она скорбно держала на весу дымящиеся клетчатые останки.

- Посмотри, что случилось из-за твоих глупостей!

- Зато сам я целехонек, - утешил маму Вася.

- Но в чем ты пойдешь в школу в такую жару!

- Можно в «сафари»...

Так назывался костюм песочного цвета, который купили прошлым летом в Бердянске. Тогда он был малость великоват, а к этому году стал в самую пору. Вася нынешней весной уже несколько раз надевал его, когда оставался дома один и устраивал игру в джунгли. Потому что в такой одежде он делался похож на африканского путешественника. Рубашка была с погончиками и с черной ленточкой на груди - на ленточке золотились вышитые буквы «SAFARI». Это, как

известно, означает «африканская охота». Стрелять львов, носорогов и всяких других симпатичных зверей было жаль, но Вася нашел выход. Охотился с фотоаппаратом. Вообразил, что делает большущие разноцветные снимки и потом развешивает эти трофеи у себя за ширмой...

Эх, ему бы еще пробковый шлем, как у англичан в кино про Тарзана, были бы настоящие приключения на экваторе!

Но пробковые шлемы в Осинцеве не продавались. Зато продавались панамы. Вроде как у южных пограничников, только не зеленые, а желтовато-серого цвета, почти как костюм. В общем, тоже вполне африканские. И Вася не раз просил маму: «Ну, купи, пожалуйста». Но мама говорила, что до лета еще далеко, что денег кот наплакал, а за квартиру не плачено уже два месяца...

Мама открыла окно, чтобы прогнать дым, и достала «африканский» костюм.

– Тебя в таком виде и близко к школе не подпустят.

– Можно нарисовать клетки, – посоветовал только что вернувшийся папа. Порой у него (не всегда к месту) прорезалось чувство юмора.

Мама посмотрела на папу долгим взглядом, дождалась, когда он закашлялся (не от дыма) и отчетливо объяснила, что вопрос не в клетках, а в карманах.

– Вам, по-моему, известно, как к в школе относятся к лишним карманам.

Относились отрицательно. Валерьян Валерьянович считал, что чем больше карманов, тем больше ученик может принести в школу ненужных и опасных предметов: спички, жвачки, мячики для пинг-понга, фишки для запрещенной игры в «думки», пищалки, стрелялки и даже тюбики с клеем «Момент». На клетчатой форме разрешался лишь один карманчик – нагрудный, для платочка.

А на «сафари» карманов полным полно – и накладные, с пуговицами, и внутренние, с молниями... А на шортах, кроме того, широкие отвороты, за которые тоже можно прятать всякие мелкие вещицы.

Вася сказал, что «ну, не съедят же в конце концов и не прогонят же».

Мама, сказала, что могут и прогнать и «будут совершенно правы».

- Не-е... Мама, купи панаму, а? Ты обещала к лету, а уже почти лето...

- Однако к лету зарплату почему-то не прибавили... И кроме того, сегодня воскресенье, магазины закрыты.

- А киоски на площади открыты!

- Но денег от этого не стало больше!

Вот она, женская логика. Вася посмотрел на папу. Тот украдкой глянул на маму и развел руками: мол, сам понимаешь... Вася понимал. И мысленно махнул рукой: ладно уж, а то опять поругаются.

И все-таки мама купила панаму!

В понедельник, в полпервого, она, как обычно, «забежала» с работы домой, чтобы проводить сына в школу.

- Уроки сделал?

- Ага...

- Не «ага», а «да»! Завтрак съел?

- Да я обед уже съел, суп и сосиску! Только что! - похвастался Вася, ловко уходя от вопроса о завтраке.

- Кроссовки вычистил?

- Да я их еще вчера вычистил!

- Ну, молодец. Тогда держи... - Мама протянула сверток.

– Ой... Ура!

Панама была в точности под цвет рубашки и штанов. И с черной ленточкой, как на кармане. Вася подпрыгнул, чмокнул маму в щеку и закрутился на пятке перед зеркалом в прихожей. Потом подхватил рюкзачок.

– Мама, я пошел!

– Куда? До уроков целый час!

– А я не спеша! Прогуляюсь!

Конечно, он решил не просто прогуляться, а устроить экспедицию в джунгли.

Была середина мая, а солнце жарило по-июльски. Деревья и кусты стояли совсем зеленые, набирали цвет яблони и сирень. На пустырях вблизи овражка, среди молодых сорняков и прошлогодних сухих репейников слышалось жужжание всякой крылатой мелочи. В ручье звонко вякали лягушата. Это были африканские лягушата в зарослях у реки Конго. А всякие вредные колючки были крокодилами...

Вася щелкал фотоаппаратом. Это был игрушечный пластмассовый аппаратик – такой, из которого при нажатии кнопки выскакивает на пружине клоунская рожица. Но Васе и не нужен был другой. Для придуманных зверей годится любая фотокамера.

Вася прокрался сквозь чащу к поляне, где паслись жирафы и зебры. Щелк... На ветках одинокого пузатого тополя (как баобаб) он снял вертлявых мартышек. Затем вплотную придвинулся к пыльному косматому льву. Дождался, когда тот распахнет разовую с белым частоколом зубов, пасть. Щелк... Лев разинул пасть еще шире и утробно рыкнул.

– Да брось, – сказал Вася. Он во всей своей охотничьей красе отражался в круглых львиных глазах. – Мы же давно знакомы. – И начал выбирать из львиной гривы сухие репы. Лев смущенно посапывал и шевелил кисточкой на хвосте...

Была еще встреча с носорогом, который оказался не столь воспитанным, как лев. Пришлось уносить ноги. По желтой от одуванчиков и мать-и-мачехи канаве Вася примчался на самый край пустырей. Совсем рядом была своя многоэтажная улица. А еще ближе, за сухим серым бурьяном, краснело длинное кирпичное строение. Это был недавно построенный склад для торговли мебелью. У стены что-то делали двое рабочих. А может, не рабочие, а диверсанты?

Вася притаился за шуршащей чащей. Дядьки в синих робах бетонировали фундамент. Совковыми лопатами брали с носилок густую серую кашу и размазывали по земле вдоль нижнего ряда кирпичей. Впрочем, они уже кончали работу. Очень скоро прихватили носилки с лопатами и ушли за угол... А слева от Васи что-то зашуршало. Он по-охотничьи обернулся и увидел тощего серого кота.

Возможно, это был тот самый кот, который завтра вечером встретится Васе у мусорного контейнера. Но в этот момент ничего такого Вася знать не мог. Сейчас это был леопард, вышедший за добычей.

Вася навел на хищника объектив – щелк! Зверь пренебрежительно дернул хвостом и трусцой двинулся прочь.

– Эй... кис-кис...

Конечно леопардов так не окликают, но надо было задержать его, чтобы охота не кончилось так быстро. Кот, однако, рассуждал иначе. Когда Вася двинулся следом, этот «леопард» перешел на крупную рысь и помчался к свежей бетонной полоске. Пересек ее по диагонали. На бегу брезгливо тряхнул лапами и скрылся за дощатой будкой, пристроенной к павильону.

Когда Вася подбежал к фундаменту, он увидел на загустевшем бетоне отчетливые следы растопыренных лап.

«Ну вот, – сразу подумал Вася. – Это на целую вечность». Потому что крепкий домина простоит наверно лет сто или двести, бетон сохранится столько же. И кота давным-давно не станет на свете, а следы будут все такие же...

Задумчивая грусть мягко щекотнула Васю, прогнала прежнюю веселость. Он оглянулся – нет ли кого поблизости? – сдернул с левой ноги кроссовку и носок и

осторожно вдавил ступню в сырой мягкий бетон, рядом с дощатым поребриком. Зачем? Он и сам не мог объяснить. «И меня уже не будет, а след сохранится...»

Вася постоял с минуту, глядя на отпечаток с круглой пяткой и слегка оттопыренным большим пальцем. Особой печали он не чувствовал, но задумчивость не уходила. Потом Васе показалось, что сзади зашуршали сухие стебли. Он быстро обернулся. Никого не было.

Вася торопливо натянул носок и башмак и заспешил на Луговую улицу – самая короткая дорога к школе. Наверно, уже пора... На перекрестке Луговой и Савельевской Вася глянул на большие часы над аптекой. Какое там «пора»! Уже «сверхпора»! Вот это поохотился!

До школы оставался квартал, но времени уже – ни полминутки. Вася помчался. Царапины на ногах зудели, но некогда было почесаться.

Лестница

Он опоздал. По часам в школьном коридоре было видно, что уроки начались две минуты назад. Ну ладно, Полина Аркадьевна скажет «больше не опаздывай», только и всего. Вася сдернул панаму, сунул ее под погон и бросился к лестнице.

– Стоп, козявка! – на нижних ступенях возник дежурный. Здоровый такой парень из девятого или десятого. Лицо его было похоже на свежий каравай с проткнутыми пальцем дырками. – Куда это ты, такой красавчик?

– Пусти!

«Каравай» не пустил. Для того дежурные и поставлены (и даже специально освобождены от уроков), чтобы разбираться с нарушителями.

– Как твоя фамилия?

Подумаешь, испугал! Пусть записывает!

- Перепёлкин моя фамилия, из второго «А». Пусти!

- Ну какой же ты Пере-пёлкин? Ты еще не «пере...», а «недо...» Недо-пёлкин, - снисходительно разъяснил «Каравай».

- Сам такой, - сказал Вася. Потому что понимал: драться здесь этот тип не посмеет. Пусть попробует, Вася такой крик поднимет - все школа сбежится!

Но дежурный благожелательно разъяснил:

- Я не такой. Я как раз «пере...» Пере-верзев. Не слышал?

- Не слышал. Пусти, мне в класс надо.

- В класс надо приходиться во время и в форме, - с удовольствием сказал большущий Переверзев.. - А ты с такими карманами. Не знаешь закона? - Он приготовился было скучать сорок минут, а тут вдруг развлечение. - Ну-ка, что у тебя там? Сигареты? Наркотики? Валюта? - И дежурный потянулся к оттопыренному карману на штанах. Там был пластмассовый аппаратик.

«Отберет! Скажет - посторонняя вещь...»

Известно, что Вася не был храбрецом. Но постоять за свои права он все же умел.

- Не лезь! Не имеешь права обыскивать!

- Суслик, - ласково сказал Переверзев. - Это не обыск, а д о с м о т р. Уяснил?

- Все равно не имеешь права! Ты не милиция! Пусти!..

Но «Каравай» ухватил его за плечо.

Вася присел, вырвался и бросился в другой конец коридора, там тоже была лестница. И дежурного на ней не оказалось.

– Стой, бактерия, хуже будет! – вопил вслед «Каравай». Но Вася понимал: хуже не будет. Пусть этот тип только сунется за ним в класс, Полина Аркадьевна ему покажет!

Ах, кабы знать! Когда Вася с разбега взлетел на второй этаж, он чуть не врезался в самого Валерьяна Валерьяновича!

Можно сказать, что вот здесь и берет начало история с колесом (вернее, с Колесом). С этого момента начался путь, который свел вместе Колесо и Перепёлкина. Но тогда Вася ни о чем не догадывался. Он просто остановился с размаха, как пришпиленный к месту. И ослабли коленки.

Длинный и худой Валерьян Валерьянович с высоты устремил взгляд на нарушителя.

– Извините... – пробормотал Вася.

– Любопытно. За что же я должен тебя извинить?

– Ну... что быстро бежал.

– Вот как. А почему же ты так бежал?

– Потому что в класс опаздываю... – Вася печально смотрел на узкие блестящие туфли завуча.

– Хорошо. Но, поскольку ты у ж е опоздал, задержись еще немного и ответь на такой вопрос...

В этот миг возник рядом запыхавшийся Переверзев

– Валерьян Валерьяныч! Это Перепёлкин из второго «А»! Мелкий, а такой нахальный! Я говорю: «Почему без формы?», а он...

– Кстати, в самом деле: почему ты не в установленной одежде?

– Сожгли уютгом. Нечаянно, – вздохнул Вася. – Вчера вечером. А новую ведь сразу не закажешь. И денег нет, и вообще... никакого расчета. Скоро каникулы, а за лето я вырасту. Дети летом быстро растут, особенно руки и ноги... – И Вася для убедительности покачал согнутыми в локтях руками. Длинным рассуждением он рассчитывал смягчить завуча.

А тот... непонятно, смягчился или нет.

– Ну что же, в твоём объяснении есть некое рациональное зерно. Однако, мне хотелось узнать о другом. Почему ты поднялся н е п о т о й л е с т н и ц е?

Ох... Вася опять обмяк. В самом деле, он ведь нарушил строжайший закон! Еще зимой, после новогодних каникул, Валерьян Валерьянович всем предписал подниматься на этажи только по правой лестнице, а спускаться только по левой. Чтобы не было на ступенях лишней суеты и опасных столкновений. Такое правило полагалось выполнять даже учителям. Но с них-то не спрашивали строго, а если нарушит ученик – ох какой скандал сразу!

Может быть, в таком законе и было «рациональное зерно». Однако, это если на шумных переменах. А если пусто в коридорах...

– Я торопился... А на т о й лестнице стоит вот этот... и не пускает. Говорит, досмотр какой-то. А разве он имеет право?! – Вася ощутил в глазах нехорошую сырость, но уже не опускал взгляда.

– Права дежурных оговорены школьным уставом, – уклончиво сообщил Валерьян Валерьянович. – А что касается тебя, Перепёлкин, то нарушение следует исправить. Сейчас ты спустишься на первый этаж, поднимешься, как положено, п о т о й лестнице и после этого ступай к себе в класс. Можешь сказать Полине Аркадьевне, что я просил не наказывать тебя за опоздание.

И только-то?! Вася обрадованно поправил лямки рюкзака. Глянул вниз по ступеням. Почти уже сделал шаг и... не шагнул. Спросил:

– А зачем?

- Что «зачем»? – сдержанно удивился Валерьян Валерьянович. А дежурный Переверзев хихикнул и замигал.

- Зачем спускаться и подниматься, если я уже здесь? И класс мой рядом.

- Затем, что так положено. Ты поступил неправильно и теперь должен исправить то, что нарушил.

- Я не понимаю, – вздохнул Вася.

- Что? ты? не понимаешь?

- Не понимаю, что исправлять. Вот если бы я разбил стекло, надо было бы его вставить. Или деньги заплатить. Если бы намалевал что-то на стенке, надо было бы покрасить. А здесь то что? Спущусь, поднимусь, и опять окажусь вот тут. Тогда зачем идти?

- Считай, что это тебе в назидание.

- Как носом в угол, что ли? – тихо спросил Вася.

- Ну... если угодно, считай, то именно так.

Переверзев опять деликатно хихикнул.

Вася почесал кроссовкой изжаленную щиколотку и стал смотреть в сторону. И сказал совсем уже тихо:

- Не пойду...

- Не пойдешь? Вот как?

- Да, – шевельнул губами Вася.

- Можно узнать, почему?

- Потому что я не виноват... Я хотел подняться по той... а там вот этот... не пустил... - Ясно, что Васины глаза были совсем уже на мокром месте. Он, кажется, даже чуть всхлипнул. Но упрямо закусил губу.

- Сейчас о н не будет тебе мешать, - пообещал завуч. - Можешь идти спокойно.

- Нет...

- Что «нет», Перепёлкин?

- Не пойду... - сказал он через силу.

- Валерьян Валерьяныч, давайте, я его за шиворот! Вниз и вверх! - предложил свои услуги Переверзев. - В нем же весу, как в блохе!

- Ни в коем случае! Применение физических мер воздействия запрещено гимназическим уставом. По крайней мере, пока... - (Может быть, завуч Игупкин вспомнил английские школы, где виноватых, говорят, и в наши дни лупцуют линейками по ладоням, и надеялся ввести это правило здесь.)

- Да я легонько, - настаивал Переверзев.

- Отправляйся на свой пост. А Перепёлкин пойдет по лестницам сам. Он это д о л ж е н.

- Почему я должен? - уже открыто всхлипнул Вася.

- Потому что тебе приказывает завуч школы.

Вася проглотил комок. Подумал.

- А если вы прикажете мне с крыши прыгнуть, я тоже должен?

- Ты рассуждаешь дерзко и неумно! Педагоги не отдадут таких нелепых приказаний. Ты считаешь, что я глуп?

Вася так не считал. В общем и целом. Но сейчас приказание завуча было глупым. А главное – обидным.

– Не пойду...

– В таком случае ты будешь наказан гораздо сильнее. А пока я снимаю тебя с уроков. До беседы с родителями. Можешь отправляться домой.

Вася стряхнул с ресниц капли и пошел вниз по ступеням.

– А кто будет говорить «до свиданья»? – напомнил вслед Валерьян Валерьянович.

– Никто... – буркнул Вася. Впрочем, тихонько, под нос.

Дома, конечно, никого не было. Вася хотел, было, пойти к тете Томе и все ей рассказать. Тетя Тома всегда его понимала. Выслушает, пожалеет, а потом еще перед мамой и папой заступится. А пока он просто отведет душу (а может быть, и от непролитых слез освободится, перед ней не стыдно). Но сначала Вася решил немного полежать. Потому что чувствовал себя ужасно вялым, обессиленным. Скинул кроссовки, прилег на диван кровать, и...

Васю разбудили нервные голоса в прихожей – это пришли мама и папа. А будильник рядом с лампой показывал половину седьмого.

Мама возбужденно восклицала:

– А если его нет дома?! Если он куда-то сбежал и... Я сойду с ума!

– Да вот его рюкзак, – перебил ее папа. – Василий, ты дома?!

– Дома... – сипло отозвался Вася и сел.

Они разом вдвинулись за ширму – так, что чуть ее не опрокинули.

– Немедленно рассказывай, то ты натворил в школе! – Это, конечно мама.

– Только спокойно и по порядку... – Это, разумеется папа. Он тискал пальцами треугольный, как у Васи, подбородок.

– А чего рассказывать... – Вася кулаками уперся в постель и стал смотреть за окно. И засопел. – Вам и так уж, наверно, все рассказали...

– Да! Нас обоих по телефону вызывали к завучу! – сообщила мама. Так драматически, словно их вызывали по крайней мере в администрацию президента.

– И Валерьян Валерьянович изложил нам все события, – подтвердил папа. – Но нам хотелось бы услышать, так сказать, твою версию...

– А зачем? – сквозь застрявший в горле комок выговорил Вася. – Вы же все равно скажете, что он во всем прав, а я во всем виноват.

– А ты хочешь сказать, что виноват о н? – звонко вознегодовала мама. – Валерьян Валерьянович культурнейший человек и замечательный педагог. Один из лучших в городе! А ты... ты дерзкий мальчишка и глупый скандалист. Мало тебе истории в начале года с твоим нелепым письмом, тебе захотелось еще! Чтобы о тебе говорила вся школа!..

Конечно, надо было сдержанно возмутиться и с достоинством объяснить, к а к было дело. Вася так и хотел. Но одно дело хотеть, а другое... попробуйте удержать слезы.

– Ну и отдайте меня в интернат... если я... такой...

– Нет, подожди, – заволновался папа и чуть не свихнул подбородок. – Давай рассуждать здраво. Возможно, с одной стороны ты прав...

– А так не бывает, что с одной стороны прав, а с другой фиг! – выдал со слезами Вася. – Я вам не железный рубль, где орел и решка. Чтоб меня вертеть... Вместо того, чтобы заступиться!..

– Но подожди же! – стискивая локти, воскликнула мама. – Ты думаешь, мы не заступались? Мы сказали Валерьяну Валерьяновичу, что ты справедливый

мальчик и что, если ты спорил, у тебя были, наверно, основания, и что... – Она уже забыла, что полминуты назад называла его дерзким мальчишкой и глупым скандалистом.

Вася подтянул к груди колени и оперся в них подбородком. Сырыми глазами по очереди посмотрел на мать и отца.

– Тогда. Почему. Вы. Ругаете. Меня?

Мама сказала очень проникновенно:

– Тебя никто не ругает! Но пойми. У Валерьяна Валерьяновича есть свои принципы. Что будет, если он станет от них отступать перед каждым второклассником? И он требует совсем немного: чтобы завтра ты спустился по одной лестнице и поднялся по другой. Это такой пустяк!

– Не пустяк, – со всхлипом сказал Вася. – Я ему кто? Заводная игрушка, что ли?

– Ты не игрушка, а ученик, который нарушил правила! – мама опять стала накаляться. – И ты должен...

– Я не специально нарушил! Зачем там этот дурак стоял? Почему он не виноват, а я виноват?!

– Дело не в том, что кто-то виноват, – начал опять папа. – Дело в том, что вступили в противоречие школьная система и личность... Яна, подожди... Василий, давай поговорим, как мужчина с женщиной...

– А я не хочу, как женщина! Почему ты не можешь, как отец с сыном?! – вырвалось у Васи.

– Здравая мысль, – вмешалась мама. – В самом деле! Парню скоро девять лет, а ты его не разу не выдрал, как полагается отцу. И вот результат!

– Я, по-твоему такой же садист, как твой Валерьян Валерьянович?! – папа хлопнул ладонью о стол. – Я не привык издеваться над детьми!

– А я, выходит, издеваюсь над собственным ребенком? – накал в мамином голосе достиг высоких градусов. – Прекрасно! Я могу больше вообще не заниматься его воспитанием! Посмотрим, что из него выйдет, когда наступит переходный возраст!

Вася мельком подумал, что при такой жизни до переходного возраста он не дотянет. Стиснул пальцами скользкие от слез коленки и перестал слушать. Начал мысленно считать до ста, двухсот... И перестал, когда родительский скандал дошел до финала. До коронной маминой фразы:

– Почему ты меня так ненавидишь?!

Но папа на сей раз не стал прятаться за газетой. Видать, у него накопело больше обычного. Папа вздохнул и сказал:

– Очевидно, есть на то причины...

И стало очень тихо.

– Вот как... – слабо выдохнула мама. – Ну что же... Тогда я немедленно уезжаю к тете. И живите тут как хотите...

Тетя была сестра маминой мамы, Васина двоюродная бабушка. Она жила на Сахалине, и Вася не видел ее ни разу в жизни. Да и мама – раза три, не больше. Но в самые напряженные моменты мама заявляла, что уедет к тете. Просто больше ехать было не к кому.

– Да, живите, как хотите, – жалобно повторила мама. – А я завтра же... Нет, почему завтра? Сегодня же. Сейчас...

Вася понимал, что никуда она не уедет. По крайней мере, сейчас. Как это – не уволившись с работы, не заказав заранее билеты (дорога-то ого-го какая дальняя, с пересадками). И папа это понимал. И все-таки папа сделался каким-то потерянным. Стал искать в нагрудном кармане очки, которые надевал в самых редких случаях. Друг на друга родители не смотрели. Васе стало горько жаль их обоих. И себя. Вернее, это была смесь жалости и злости на нелепую жизнь. Вася откинулся к стенке, вдавил в мохнатый плед кулаки.

– Ну, хватит вам! Ну, ладно! Если вам так надо, поднимусь я по этой проклятой лестнице! Только не ругайтесь вы ради Бога! Ну, по-жа-луй-ста...

На следующий день мама с утра отпросилась с работы. Видно, боялась оставлять Васю одного. Сказала, что принесла ему домашние задания, специально звонила из своей конторы Полине Аркадьевне, чтобы узнать их (ведь вчера-то Вася не был на занятиях).

– Полина Аркадьевна сказала, чтобы ты не волновался и не переживал...

Вася только плечом повел.

Мама осторожно смотрела, как он готовит уроки. Осторожно попросила помочь вымыть посуду. Она вела себя так, словно хотела погладить Васю по голове и не решалась.

Вася решал задачу и примеры, писал упражнение старательно и молча. Так же молча, со сжатыми губами, вымыл три тарелки и два стакана.

Мама приготовила для него вместо рубашки «сафари» белую сорочку с черным галстучком – чтобы он выглядел больше «по-гимназически», хотя и без формы.

«Как для приношения в жертву», – подумал Вася. Он видел историческую передачу про древнюю Америку, там пленников, назначенных для убийства на алтаре, обряжали в роскошные одежды.

Но маме Вася ничего не сказал.

– Почему ты все время молчишь?

– А что говорить?

– Помни, ты дал мне и папе слово сегодня не спорить с Валерьяном Валерьяновичем и делать все, что он скажет.

– Я дал слово, что поднимусь по этой проклятой лестнице.

– И без капризов...

– Без... Совершенно молча.

– Ох, до чего же ты трудный человек... Иди, почисти штаны. Где ты вчера успел их так потрепать?

– В Африке, – буркнул Вася.

В коридоре он охлопывал штаны свернутой газетой и думал, что, может быть, завуч уже забыл про второклассника Перепёлкина и его оставят в покое.

Вверх и вниз...

Сначала казалось, что и правда оставят. Перед занятиями никто ничего Васе не сказал, только Шурик Кочкин спросил:

– Почему тебя вчера не было?

– Горло болело... – Оно ведь и правда вчера болело. Вернее в нем царапало, от слез...

Четыре урока прошли нормально, а на математике Вася даже получил четверку за решенный на доске пример. И он совсем уже успокоился. Ведь урок-то последний! Вот-вот раздастся звонок и можно будет помчаться домой... Но за минуту до звонка Полина Аркадьевна, глядя поверх голов, сухо сказала:

– После урока никто не разбегается. Все берем свои вещи и организованно идем на первый этаж, будет линейка вторых и третьих классов.

У Васи что-то ухнуло под сердцем и обмякло все тело.

«Не пойду!»

«Ты же слово дал...»

«Так не договаривались, чтобы при всех!»

«Никак не договаривались. А слово дал. Упрешься – еще хуже будет...»

«Куда уж хуже-то! Все будут глядеть...»

«Да может, линейка-то не из-за тебя...»

Но последняя мысль была такая слабенькая, что и не надежда, а так...

Второклассники вереницей пошли по коридору второго этажа, вниз по лестнице. Вася двигался на жидких ногах, будто на казнь.

На первом этаже уже стояли пестро-клетчатыми шеренгами лицом к лицу два третьих класса и второй «Б». Второй «А» в две линии пристроили рядом. Вася оказался во второй шеренге. Но от этого было не легче.

– А для чего нас построили-то? – шепнул Васе Шурик Кочкин. Он ничего не знал, конечно. Вася закусил губу.

Учительницы во главе своих классов стояли молча и важно, как генералы. Чего-то ждали. Наконец по левой лестнице сошел в нижний коридор завуч Валерьян Валерьянович. Тоже с генеральским достоинством (хотя и тощий). Остановился в начале шеренг. Его черная гладкая прическа блестела, как туфли.

– Дети, – сказал Валерьян Валерьянович громко, но мягко. – На улице прекрасная погода, и можно гулять, играть и радоваться близким каникулам. Но я вынужден задержать вас, чтобы решить один неприятный вопрос. Это касается вашего товарища... Перепёлкин Вася из второго класса «А», подойди ко мне...

На него заглядывались. Юлия Терехина, стоявшая впереди Васи, испуганно отодвинулась. И... что ему было делать-то? Увязая в стыде, как в липкой каше, Вася побрел к завучу. И все смотрели, как он бредет с головой ниже плеч. И тугой, как резина, воздух забивал ему уши.

Вася подошел. Стал смотреть на кончики блестящих туфель. В них отражались лампы – они горели, несмотря на солнце за окнами.

Завуч легонько взял Васю за рюкзачок и поставил к себе спиной.

– Надо, чтобы все тебя видели и ты видел всех... И не опускай лицо. – (Но Вася все равно опустил. Странно, что глаза оставались сухими). – Вчера Вася Перепёлкин отличился тем, что за две-три минуты множество раз нарушил дисциплину. Опоздал на уроки. Нагрубил дежурному старшекласснику. Отказался выполнить его требования. И – это самое скверное – нарушил строжайшее правило передвижения по школе. Обругав дежурного, он бросился вверх по лестнице, предназначенной исключительно для спуска. Такое не позволено никому, даже выпускникам. А когда я остановил Васю Перепёлкина и потребовал спуститься обратно и пройти по той лестнице, по которой следует, он заупрямился самым непозволительным образом. Казалось бы, что особенного? Да, ошибся, сгоряча нарушил правило, так будь добр хотя бы исправить ошибку... Однако каприз этого второклассника зашел так далеко, что он мне... нет не нагрубил, но отчетливо дал понять, что распоряжение завуча – г л у п о е...

Вася слышал эту речь, как сквозь ватные пробки. Но все же различал слова. И понимал, что вранья в речи больше, чем правды, но это его не задевало. Он смотрел исподлобья в пространство между клетчатых шеренг, на ступени дальней лестницы. «Проклятой лестницы»... И стоял он, кстати, не «как положено». Съежил плечи, сдвинул носки кроссовок, суетливо мял отвороты на шортах. Вот удивительно – как ни чистил штаны, а за отворотами остались сухие семена прошлогодней полыни с пустыря. Вася ощущал их чуть заметный горький запах...

– И все же Вася Перепёлкин не столь уж плохой мальчик, – продолжал завуч. – Мы поговорили с родителями, с учительницей и выяснили, что он не отпетый хулиган, не двоечник и раньше у него не было серьезных нарушений дисциплины. Поэтому решили не наказывать Васю за вчерашние капризы. Мы уверены, что он все поймет и исправится. Васе Перепёлкину остается только одно: исправить вчерашнюю главную ошибку. Сейчас он поднимется по той лестнице, по которой не захотел идти вчера. Потом он по второму этажу пройдет к лестнице для спуска, вернется сюда, и мы встретим его... с пониманием, что он осознал свои ошибки. И не будем сердиться, что потеряли из-за него несколько минут... Ступай, Вася Перепёлкин... – Валерьян

Валерьянович легонько толкнул его в плечо.

И Вася – с горящими ушами и будто замороженными ступнями – пошел.

«Как сквозь строй...»

Он не смотрел по сторонам. Смотрел только на свои кроссовки – они медленно, непослушно ступали по длинным желтым половицам. Стуканье подошв пробивалось через тугую глухоту в ушах. Васе некуда было девать руки, и он то сжимал, то разжимал пальцы. Потом вцепился в лямки рюкзака...

«Когда же это кончится?»

Коридор был, словно километр... И все таки он закончился (через целую вечность). Вася увидел первую ступеньку и деревянно шагнул на неё. И... глухота в ушах сразу исчезла. Послышался звон. На второй ступеньке звон рассыпался на короткие ноты:

День – динь...

Тень, сгинь...

Знакомая песенка. Она словно утешала Васю. Но не только утешала. Звуки стали твердыми, как стальные шарики. «Вася, держись...» И еще: «Вася, п о к а ж и и м...»

А что показать?

Однако он уже понимал, ч т о...

«Но ты же слово дал!»

«Я дал, что п о д н и м у с ь! Я не обещал спускаться!»

Наконец – второй этаж. Надо повернуть в коридор, пойти к другой лестнице – и вниз... Но Вася пошел выше. Все быстрее, быстрее... Потому что возвращаться т у д а, к н и м было сверх сил. Уже и не стыдно даже, а просто противно, тошно.

Он не вернется н и к о г д а!

Вот и последний этаж, четвертый. Совсем пустой коридор. Длинный ряд чистых, недавно вымытых окон... Ну, пусть хоть одно окно будет открыто! За ним, снаружи, наверняка есть какой-нибудь карниз. По нему, наверно, можно добраться до водосточной трубы. Опасно? Ну и наплевать! О н и сами довели его до этого. Если ч т о – т о случится, о н и и будут отвечать...

Но все окна были заперты. Вася торопливым шагом, а потом бегом двинулся вдоль подоконников. Подпрыгивал и дергал ручки на рамах. Глухо... Он ссадил кожу на ладони, ободрал о батарею колено, сухо всхлипывал. Отчаянно оглядывался. Снизу доносились беспорядочные крики... Наконец Вася оказался в самом конце коридора, за лестничной площадкой. Здесь был полутемный закуток. Свежим деревом светилась сколоченная из брусков и реек лесенка. Верхний конец ее упирался в край чердачного люка. И Вася бросился по ступенькам! Он понимал, что люк, скорее всего заперт но знал, что пробьет крышку головой, а вниз не вернется.

Люк неожиданно легко откинулся от удара ладонями, ухнул. Вася рванулся в сумрак, зацепился о раму люка уже ободранным коленом, заплакал и глянул вокруг мокрыми глазами.

Было не очень темно, пробивались откуда-то лучи. Пахло мусором, сырой фанерой и ржавчиной. Шум внизу нарастал. Вася – и откуда хватило сил в руках («цыплячьих», как говорила иногда мама) – потянул лестницу вверх. Втащил ее всю, перехватывая рейчатые ступеньки! Уронил. Захлопнул неожиданно отяжелевшую крышку люка. Дальше что? Неподалеку Вася разглядел железную бочку. Она оказалась пустая, только с подтеками цемента. Вася ударом тела опрокинул ее, закатил на люк. Придавил сверху концом лестницы (она пахла смолой). Отдышался... Всё. Теперь не достанут. Если и догадаются про люк, сразу сюда не доберутся. А если и доберутся, можно отсидеться в каком-нибудь дальнем уголке...

Ну, а потом что? Вася не знал. Главное, что он у ш е л. Он был теперь, как узник, бежавший из Синг-Синга и спасшийся от стражи.

Да, надо было искать самое темное убежище, но Вася почему-то пошел на свет. Чердак был громадный и пустой. Под ногами хрустел шлак. Иногда путь загоразивали облепленные трухой балки. Вася переваливался через них на животе. Рюкзачок норовил съехать со спины.

Наконец за сплетением нескольких балок Вася увидел солнечное окошко. Это, конечно же, был выход на крышу! Вася подбежал, рванул на раме щеколду. Вдохнул запахи лета и выбрался на громыхающие кровельные листы.

Вот это да! Весь город Осинцев, окутанный майской зеленью, раскинулся перед Васей Перепёлкиным. Дело даже не в высоте, почти такая же высота была и у Васиной квартиры, но там за окнами виднелись только стены с окнами и верхушки ближних тополей, а здесь Васю охватил простор. До горизонта! Над горизонтом висели в синеве пухлые желтые облака. От облаков летел сюда теплый тополиный ветер.

Вася подставил ветру ладони.

Мягкий воздух сдул с ладони и колена саднящую боль, высушил лицо. Заполоскал на тощем Перепёлкине просторные штаны и перемазанную пылью рубашку, затеребил на груди галстучек. Вася сдернул галстучек и сунул в карман. Подошел про гулкому железу к самому краю крыши.

Дальше была пустота. Были и перильца, но жиденькие и низкие, чуть выше колен. Прогнулись, когда Вася коснулся теплых железных трубок ногами. Не удержат, если что...

А ч т о?..

Высота не пугала. Если раскинуть руки, падение будет, наверно, не очень быстрым. И не страшным. Похожим на полет. А в полете всегда есть восторг (это знает каждый, кто летал во сне!). И теперь этот восторг жутковатым крылышком коснулся Васи. Но... была в этом восторге и печаль. Ведь Вася помнил, к а к о й путь привел его на крышу. А как этот путь кончится, чем?

Может быть, и правда вот так – качнуться еще дальше и...

Засвистит воздух, помчится навстречу трава школьного сквера... и никто уже не станет ругать Васю Перепёлкина, никто не пошлет сквозь строй к дурацкой «правильной лестнице». Забегает в панике завуч Игупкин (ведь придется отвечать!)... И мама с папой, наверно, уже не поссорятся ни разу, потому что некого будет больше любить, кроме как друг друга...

Вася рывком качнулся назад. Лезет же в голову чушь! Никогда он не сделает т а к о г о... Но кто-то другой – будто не сам Вася, а сидевший у него внутри мохнатый хитро-ласковый человечек – опять пощекотал его неслышным шепотом: «Это же не страшно... Зато знаешь, как потом пожалеют...»

Вася снова стал наклоняться вперед. Тонкая трубка перил сильно вдавилась в кожу над коленками и выгнулась пуще прежнего. Рюкзачок уже не тянул назад плечи, а сдвинул тяжесть вперед, будто подталкивал.

«И ничего не будет... Только т о т след на бетоне...»

В этот миг словно кусочек солнца взорвался у него перед глазами. Это заметалась перед Васиным лицом желтая бабочка. Большая и отчаянная. Она хлестнула Васю крылышками по носу, по щекам. Он замотал головой и... будто проснулся. А бабочка не унималась. Налетала снова, снова. Моргая, Вася попятился от перил. Бабочка облетела его вокруг, метнулась в сторону, примчалась опять, затрепетала недалеко от плеча. Словно звала куда-то.

Может, правда звала?

Вася шагнул к ней раз, другой Бабочка полетела неторопливо, и Васе даже показалось, что она оглядывается, хотя он, конечно, не видел ее крохотной головки. Так они миновали вдоль железного гребня всю длинную крышу. И там, у торца здания, Вася увидел, как на кромке водосточного желоба изгибаются две железные дуги. Это были перила пожарной лестницы. Вася тут же ухватился за них и нащупал подошвой верхнюю перекладину...

Пока Вася спускался, бабочка кружилась над ним. Лестница не достигала земли, не хватало метров двух. Вася повис на последней ступеньке, зажмурился и разжал пальцы. Крепко стукнуло по подошвам, он упал. Посидел, зажмурившись, потом открыл глаза. Бабочка прощально облетела Васю и скрылась за дощатым забором.

Забор огораживал задний школьный двор с сараем и гаражом. Одна доска в заборе была наполовину сдвинута. Вася, пригибаясь, подбежал, протиснулся в щель. Там, за досками, тоже был двор, но уже не школьный. В глубине его стоял деревянный двухэтажный дом с пустыми окнами. В нем давно никто не жил. Старшие ребята (и даже некоторые второклассники) иногда бегали сюда на переменах, чтобы покурить или подышать клеем «Момент». Но Вася никогда там не бывал. И сейчас он глянул на дом лишь мельком. Васе не нужно было туда, нужен был выход на улицу!

За домом снова был забор – с кривыми воротами и сорванной калиткой. Вася бросился к ней через молодые, но уже большущие лопухи. Еще пять шагов – и вот она, спасительная улица Луговая. Вася готов был выскочить в проем калитки. Но что-то остановило его. Будто тихий оклик. Вася огляделся.

Неподалеку от выхода лежала груда хлама.

Ну, обычный хлам. Такой, что выбрасывают, когда накопится в кладовках и сараях. Кривая спинка железной кровати, разохшийся бочонок, дырявые кастрюли, рваное сиденье кресла с клочьями поролона, остатки футбольного мяча, драные картонные коробки, тряпье и всякий другой утиль. А чуть поодаль валялось в цветущих одуванчиках колесо.

Оно словно сбегало из кучи, не желая иметь дела с помойной рухлядью.

Маленькое колесо, размером чуть крупнее тарелки для супа. Видимо, от детского трехколесного велосипеда, причем не переднее, а боковое (потому что без педалей). С тонкой пыльной шиной, с грязными спицами и облупленным ободом, с трубчатой втулкой. Бесплезное, никому не нужное...

Ни в тот момент, ни в другие времена Вася так и не мог объяснить себе, почему подошел и поднял колесо. Может быть, потому, что оно было о д и н о к о е? Как он сам...

Да он поднял его. Покрутил в руках, как руль-баранку. Вздохнул. Ни к чему ему было это колесо. Но вот так взять и отбросить его он уже не мог. Это будто погладить беспризорного котенка, а потом отпихнуть.

«Ладно, пойдём со мной», – шепотом (или даже мысленно) сказал Вася. И показалось, что колесо отозвалось тихим-тихим звоном спиц: «Пой-дем-м...»

Да, разумеется, показалось. Но Васе вдруг стало тепло и спокойно, словно все горести остались где-то в другой стране, за прочной, запертой границей.

Продолжая держать колесо, как штурвал, Вася выбрался через калитку. И «порулил» к дому. Встречные могли подумать: не маленький уже, а играет «в машину», как детсадовский малыш. Но Васе было все равно. Колесо ласково теплело в ладонях.

«Ты хорошее», – с последней слезинкой в горле шепнул ему Вася.

«И ты...», – отозвалось колесо пощекотавшим ладони шепотом.

И так они вдвоем «прикатили» к Васиному подъезду.

Созвучие

Дома никого еще не было.

Вася сбросил в прихожей кроссовки и рюкзачок. Сдернул с себя перепачканную пылью и трухой рубашку, обтер ею колесо (все равно в стирку). Бросил рубашку под вешалку и с колесом в руках ушел к себе за ширму.

Сел. Несколько раз глубоко вздохнул. Поставил колесо себе на колени и сверху лег на него подбородком. Пальцами прошелся по спицам. Спицы были не такие, как у настоящего велосипеда. Там они звонкие, как натянутые струны, а здесь – тонкие железные палочки. И все же они опять отозвались тихим звоном:

«З-здесь живешь, да?»

Наверно, это был даже не звон, а эхо в мыслях у Васи. Но очень явное эхо. Вася не удивился. Погладил литую твердую шину.

– Здесь живу...

«У тебя хорошо. Не то что на чердаке...»

– А ты жило на чердаке?

«З-з... да... Долго. Недавно чердак стали чистить и все выбрасывать. И меня...»

Тут Вася все-таки спросил:

– А ты по правде разговариваешь? Или мне кажется?

«З-з... да. По правде. Только не разговариваю, а мысленно отз-ываюсь.»

«А как ты научилось?» – спросил Вася тоже мысленно.

«Я потом расскажу. Еще ведь будет время... Ты меня не выбросишь?»

«Да ты что! – Вася покрепче вцепился в обод с шиной. Железо и резина затеплели. Вася благодарно улыбнулся... Однако, несмотря на ласковое тепло, твердая шина сильно давила колени. Вася снял колесо, прислонил к боку под локтем. Шина оставила на коже оттиски резинового узора. Вася помусоленным пальцем потер четкие розовые отпечатки полосок и треугольничков.

«Колесо...»

«Что?» – щекотнуло оно сквозь майку Васиного ребро.

– А ты, наверно, не очень много ездило по земле. Шина у тебя совсем не стертая...

«Совсем не много... Я не успело... Давным-давно меня купили мальчику Саше. Маленькому, меньше тебя. То есть не меня купили, а целый велосипед, с тремя колесами. Мальчик Саша сел и сразу поехал со двора. Там был тротуар из досок, он вел под горку. Саша еще не умел управлять, потерял ногами педали, заплакал, отпустил руль. Нас, все три колеса, пронесло под уклон, и мы вместе с

мальчиком сорвались бы с досок на дорогу, а там ехал грузовик. Тогда я... я толкнуло себя в щель между досками. Так, чтобы мальчик слетел с седла, но не в сторону дороги, а к забору. Он и слетел...

– Значит, ты спасло мальчика Сашу, – благодарно сказал Вася и покрепче прижал колесо локтем.

Колесо отозвалось с ощутимым вздохом:

«У него даже ни одной царапинки не оказалось, только рубашку порвал на локте. А велосипед не спасся... Я-то сорвалось с оси и застряло в щели, а все остальное... весь велосипед... он вылетел на дорогу прямо под машину... Я даже не знаю, куда его потом девали. А я осталось одно, и меня закинули сперва в кладовку, а потом на чердак... Хорошо хоть, что не на помойку.»

«На чердаке, наверно, тоже радости мало», – посочувствовал Вася.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/koleso-perepelkina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)